

Противостояние Святого. Глава 677. Снимая доспехи. Время словно ткацкий челнок, годы текут, весна уходит, зима приходит, и так прошло еще пять лет. В этом году зима пришла особенно рано, и только пришли холода, как плотный слой снега накрыл землю, заморозив все листья, которые все еще не опали с деревьев. Как только подул снежный ветер, все листья, вместе со снежинками, упали на землю. Это было похоже на человеческую жизнь, насколько бы не было жаль, и на сколько бы не хотелось с этим мириться, но как только нас захватывает зимний ветер, мы не можем не последовать за ним. За эти пять лет в деревне умерло три старика, но и родилось три младенца. Словно круговорот жизни, незаметно для людей, продолжал свое движение. Сунь Тай еще больше состарился, его дом стоял как раз рядом с домом Ван Линя, он был не очень большим, и его накрывали сумрачные тени. Он не любил весь день оставаться в доме, словно простой смертный, знающий свою судьбу, он подолгу сидел во дворе, смотрел на небо, и компанию ему составляли его сияющие воспоминания. Ван Пину было уже десять лет, но по сравнению с деревенскими детьми одного с ним возраста, он выглядел лет на семь-восемь, очень худенький и слабый, и только его лицо уже не было таким бледным, как пять лет назад, на нем прибавилось румянца. Десятилетний Ван Пин был очень симпатичным, и жители деревни очень любили этого смышленного милого ребенка. Среди его друзей было немало девочек, которые очень хорошо относились к этому мальчику из дома плотника. На рассвете выпал снег, и погода стала еще холоднее. Сунь Тай по-прежнему сидел у себя во дворе, на нем был надет толстый меховой халат. Он смотрел в небо, в глазах его мелькали воспоминания. Рядом с ним сидел Ван Пин, в такой же толстой ватной одежде, и заморожено смотрел в небо. «Пин Эр, почему ты не со своим отцом, а снова пришел к старику?» В глазах Сунь Тая отразилась доброта, он опустил голову и посмотрел на Ван Пина. Он очень любил этого мальчишку, и если бы Ван Линь тогда не запретил ему заниматься культивацией, он бы на самом деле передал этому мальчику все, что узнал за свою жизнь. Ван Пин надул губы и недовольно ответил: «Не хочу туда идти, опять пришла тетка Чжан». Сунь Тай слегка улыбнулся и покачал головой. «Эх ты, не волнуйся, твой отец никогда на это не согласится». Ван Пин нахмурился, и начал загибать пальцы. «Как сказать, посудите сами, дедушка Сунь, за эти три года тетка Чжан пришла уже несколько раз, я все посчитал, всего двенадцать раз! Двенадцать раз, большинство сестричек в деревне, и даже тетюшек, почему все они положили глаз на моего отца?» Сунь Тай не удержался и прыснул от смеха, затем посмотрел наружу из двора и с улыбкой сказал: «Не заботься о делах твоего отца, смотри, кажется девчушка из дома Чжоу опять пришла за тобой». Ван Пин застыл, поднял голову и посмотрел наружу, увидев что на заснеженной дороге стоит девочка лет семи-восьми. Краснея, она подходила все ближе. «Старший брат Ван, ты здесь?» снаружи двора раздался звонкий голос девочки. Ван Пин нахмурился и громко сказал: «Меня здесь нет, уходи!» Затем он решительно вышел со двора, и даже не посмотрев на девочку, в глазах которой появились льдинки, пошел в сторону своего дома. Сунь Тай, увидев это, невольно рассмеялся, и доброта в его взгляде стала еще глубже. Ван Линь в эту секунду, в отличие от Сунь Тая, был хмурым. Он с горькой улыбкой смотрел на молодую женщину перед собой, которая что-то непрерывно ему говорила. Ван Линь за эти пять лет заметно постарел, с тех пор как он зажил жизнью смертного, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания людей, его внешность постепенно перестала быть молодой, и теперь он вошел в пору среднего возраста. Только опыт в его глазах прибавлял ему, пусть еще не старому, какой-то странной ауры, которая расходилась от него. Женщина была очаровательной, глядя на Ван Линя, она резко, но справедливо сказала: «Брат Ван,

посуди сам, твоему сыну уже десять лет, а у него такая горькая судьба, рядом нет матери. Если не думаешь о себе, подумай о ребенке, дочь дома Чжао, что у входа в деревню, эта прекрасная девушка, она согласна выйти за тебя, и к тому же обещает, что будет относиться к твоему сыну как к собственному ребенку, ну что тебе еще не хватает?» Горькая улыбка на губах Ван Линя стала еще более выразительной, он безысходно сказал: «Я все же... не хочу это обсуждать». Но

женщина не унималась, она продолжила: «Ай-я, брат Ван, ну зачем так мучить себя, я знаю, что ты безумно любил мать Ван Пина, и потому больше не хочешь жениться, но жить как-то нужно, посмотри, ты живешь здесь уже десять лет, как только ты появился у нас, у тебя на руках был младенец, а старушка... хм... а я еще даже не была замужем, а теперь посмотри, ведь моему ребенку уже восемь лет». Прямо в этот момент Ван Пин резко толкнул дверь и вошел, смерил женщину взглядом, сел рядом и замолчал. Но когда женщина снова хотела заговорить, Ван Пин громко заявил: «Отец, я голоден!» Ван Линь облегченно выдохнул и сказал: «Давайте оставим все как есть». Женщина вздохнула и покачала головой. «Ладно, если ты не согласен, я не могу тебя заставить. Однако брат Ван, если тебе кто-то понравится, не забудь сказать об этом мне», договорив, она посмотрела на Ван Пина, протянула руку и хотела погладить мальчика по голове. Ван Пин недовольно фыркнул и подался назад. Женщина рассмеялась. «Что за ребенок, такой сердитый, тебе нужно поучиться у отца, твой отец в нашей деревне самый добрый и мягкий человек, а иначе разве было бы столько девушек, желающих выйти за него», договорив, она развернулась и ушла. Как только женщина вышла, Ван Пин резко обратился к Ван Линю: «Отец, ты...» Но он даже не договорил, когда Ван Линь легко улыбнулся и сказал ему: «Не нужно ничего придумывать, тетушка Чжан ведь делает это не со зла. Давай, выпей лекарство». Ван Пин выпучил глаза, посмотрел на отца и, надув губы, сказал: «Но она хочет найти для меня мачеху, а до этого она нашла мачеху для Эр Хуцзы, и в итоге Эр Хуцзы каждый день не доедает, ходит голодный, а она только и знает, что ругать его». Ван Линь прыснул от смеха и погладил Ван Пина по голове. «Ладно, я обещаю, что не буду искать тебе мачеху, давай, пей лекарство». Ван Пин радостно взял пиалу и одним глотком выпил все лекарство из нее, теперь оно даже не показалось ему горьким, даже наоборот, как будто бы сладким. Эта сладость исходила из его сердца, из его привязанности к отцу. «Отец, я всегда буду с тобой, тебе не нужно бояться одиночества, вот я вырасту, и буду заботиться о тебе до самой старости». Ван Пин поставил пиалу и посмотрел на Ван Линя. Ван Линь улыбнулся и погладил Ван Пина по голове, затем он вышел из комнаты, взял метлу и начал очищать двор от снега. Когда он закончил, то взял свои инструменты и занялся своим трудом плотника. Ван Пин наблюдал за отцом из окна и молчал. У него была хорошая память, намного лучше, чем у других детей его возраста. И он прекрасно помнил, как в четырехлетнем возрасте ненамеренно спросил отца, где его мать. Тогда выражение его лица стало очень странным, Ван Пин не понял его смысла, но теперь, когда он вырос, то понял, что это выражение означало падение духа... Он был понимающим ребенком, и после этого больше никогда не спрашивал о матери. Пришла зима, и снегопады сыпались на землю один за одним, с приходом зимних холодов жители деревни даже стали меньше двигаться. Первый месяц зимы прошел день за днем, и вот уже подули ветра весны, которые постепенно уносили зимние холода. Деревенская школа открывалась как раз весной, и деревенские дети учились здесь читать и писать. Так спокойно проходил день за днем, словно чистая вода, без волн и потрясений, и в этом спокойствии была теплота, которая омывала измученную уставшую душу Ван Линя. По мере того, как вырос Ван Пин, Ван Линь больше не гнался за пониманием Пути Небес, а просто молча наблюдал за Ван Пином с позиции отца. За эти десять лет, кроме тех минут, когда по вечерам он вытягивал из Ван Пина Ци ненависти, Ван Линь не пользовался никакими божественными техниками, для него все это как будто забылось. Но только по мере этого процесса забывания, понимание круговорота жизни и смерти незримо формировалось в сердце Ван Линя, и вместе с взрослением Ван Пина становилось все глубже. В круговороте жизни и смерти, Ван Линь прекрасно понимал различные вариации и изменения

смерти, но что касается дыхания жизни, здесь он испытал не так уж много, и с течением времени Путь его сердца, вместе с избавлением от усталости и страдания, постепенно приобретал завершенность. Совершенство Жизни и Смерти означало также и круговорот кармы, и в этом спокойствии понимание Пути Ван Линя постепенно повышалось. Если бы кто-то из культиваторов, обладающих великими божественными способностями, увидел этот

процесс, он был бы поражен, ведь такие изменения достигались совсем непросто, потому что это были крупные изменения самого домена. Домен был особой божественной способностью, которую постигали культиваторы после разрушения Границ Бессмертных. Можно даже сказать, что весь путь их культивации происходил из домена, уходил в него корнями и имел глубокую связь с ним. Поэтому домен для каждого культиватора был непоколебимой основой, очень редко возникали ситуации, когда домен поднимался выше прежнего уровня. Предок клана Хуань потому и заметил Лю Мей, что в ее домене можно было разглядеть признаки повышения, поэтому Предок ради нее даже бросил поиски сферы Тяньни в Альянсе, и тут же вернулся с ней в свой родной клан. Основной причиной тому, кроме поглощения, была еще одна, более важная – он боялся, что такой потенциал его ученицы присвоит себе кто-нибудь другой! Ван Линь сейчас находился на этом пути только потому, что в его домене круговорота Жизни и Смерти не хватало понимания Жизни, и поэтому, пусть в нем уже были признаки повышения до Пути Кармы, эти изменения все никак не происходили. Таким образом, его теперешняя жизнь была самым ключевым моментом на всем его пути культивации, и даже процессом, который определял его дальнейшие успехи. Все это Ван Линь понимал на интуитивном уровне, но только если бы он мог выбирать, он бы никогда не стал такой ценой покупать возможность, которая была самой желанной для любого другого культиватора. На смену весне приходила осень, и вот прошло еще шесть лет. В эту осень смертный час Сунь Тая как будто решил поторопиться и прийти немного раньше. Когда он лежал в своем доме, в последний путь его провожали только двое – Ван Линь и его сын. Сейчас Сунь Тай выглядел так, словно последний лист, который сдуло снежным ветром шесть лет назад, и вместе с ним ушла его тоска по родине. Ван Пину было уже шестнадцать, он становился все больше и больше похож на Лю Мей, и такая внешность делала парня неотразимо прекрасным. Только его глаза были такими же, как у Ван Линя, чистыми, ярко-черными. Будучи умным парнем, в шестнадцать лет он понимал уже очень многое, например он знал, что дедушка Сунь очевидно очень давно был знаком с его отцом, и к тому же он относился к отцу с заметным уважением. И хотя это уважение не проявлялось на словах и даже на лице, но Ван Пин мог ощутить эту ауру прямо в костном мозгу. Ван Линь сейчас выглядел еще более постаревшим, он спокойно посмотрел на лежащего на кровати Сунь Тая и медленно сказал: «Сунь Тай, я сделаю то, что пообещал тебе когда-то давно».